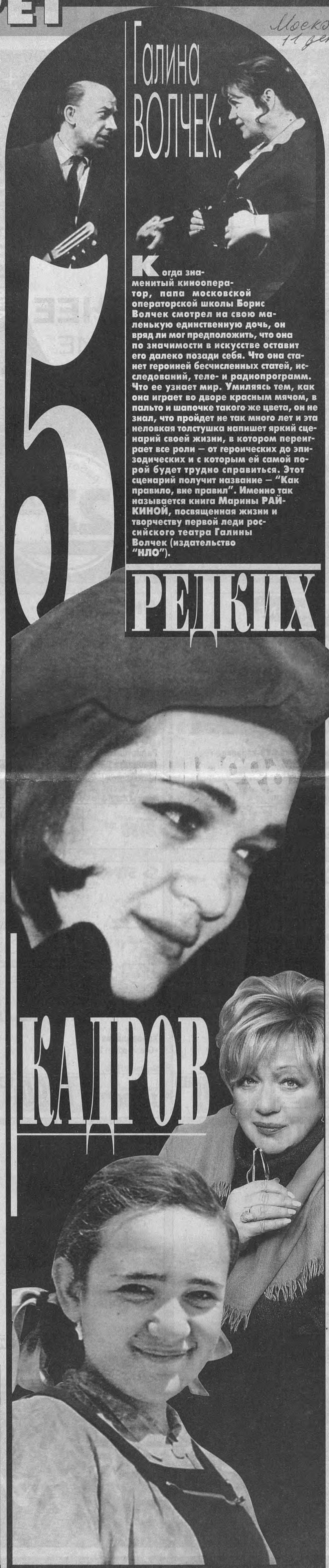
ПОРТРЕТ

Московский комсомолец – 2003 – 11 дек. – с. 8

Марина РАЙКИНА

Галина ВОЛЧЕК:

5 РЕДКИХ ВЗГЛЯДОВ



Когда знаменитый кинооператор, папа московской операторской школы Борис Волчек смотрел на свою маленькую единственную дочь, он вряд ли мог предположить, что она по значимости в искусстве оставит его далеко позади себя. Что она станет героиней бесчисленных статей, исследований, теле- и радиопрограмм. Что ее узнает мир. Умиляясь тем, как она играет во дворе красным мячом, в пальто и шапочке такого же цвета, он не знал, что пройдет не так много лет и эта неловкая толстушка напишет яркий сценарий своей жизни, в котором переиграет все роли – от героических до эпизодических и с которым ей самой порой будет трудно справиться. Этот сценарий получит название – "Как правило, вне правил". Именно так называется книга Марины РАЙКИНОЙ, посвященная жизни и творчеству первой леди российского театра Галины Волчек (издательство "НЛО").

1947 год. Москва. Дом на Полянке

Знаменитый двор знаменитого дома на Полянке. Расклеены и распахнуты все окна. Галдеж детей во дворе. Старушки на лавочке перемывают кости местным модницам и обсуждают проходящие парочки. Из окна на третьем этаже свесился и неотрывно смотрит куда-то в сторону крупный женский торс. Впрочем, свесился – это слишком мягко сказано: огромный бюст, тесно стянутый ярким сатиновым халатом, буквально скатывается с обливного подоконника, аккуратно вымытого по случаю первых теплых дней. Обладательница бюста размера XXL перевесилась из окна, чтобы получше рассмотреть то, что пока еще никто не видит.

А там не спеша к своему подъезду идет Галя Волчек, неестественным образом располневшая. На ней – отцовский длинный серый плащ, под которым… ужас на лице соседки.

– Вот оно, мужское воспитание и современная молодежь! – кричит она и бросается к телефону.

Я пытаюсь представить ее в 13-летнем возрасте: широкий, по-подростковому расплывшийся по лицу нос, упертый взгляд. Одета, не наверное, а совершенно точно, в духе времени – то есть как все: юбка "без возраста", пуговки кофточки трещат на вдруг выросшей груди. Она уже стесняется мужских взглядов. Во всяком случае, оказавшись в лифте с соседом – режиссером Юлием Райзманом, сказавшим ей: "Не худей, мужчинам нравятся полные", – она готова провалиться сквозь землю.

Но не в этом дело: мужчины, половозрелые и не совсем, в ее жизни появятся позже. Тогда же ее волновала вопиющая несправедливость по отношению ко всем, в том числе и к себе. Чересчур любопытная до чужой жизни соседка распускала про дочку оператора Волчека сплетни.

– Галина Борисовна, вы помните эту историю?

– Еще бы. У нее была предыстория. У меня есть двоюродный брат Рома, он старше меня на семь лет. Но, несмотря на разницу в возрасте, так заметную в детстве, мы очень дружили. Были как товарищи. Однажды сидели с ним возле дома, смеялись, Ромка приобнял меня за плечо. А когда я вернулась домой, няня Таня ворчала: "Говорят, ты с парнями в обнимку ходишь? Что ж ты, Галька, делаешь?"

Реакция последовала мгновенно. Выяснив источник дезинформации, она решила повоспитывать сплетницу и не нашла ничего лучше, как под ее окнами сыграть роль беременной пионерки. Она напялила плащ отца, выпросила у няньки деньги на арбуз. Купила его, засунула под плащ и, как отяжелевшая фря, гуляла под окнами дворовой сплетницы.

– Вот оно, мужское воспитание и современная молодежь! – закричала та и бросилась к телефону, чтобы рассказать всему дому, до какой жизни докатилось семейство Волчек. – Бедный Борис Израильевич... – тянула притворно она в трубку, изображая при этом на лице злорадство.

Нет, сплетница была недалека от истины: Волчек действительно была беременна. Но не ребенком, а театром. В ней, не находя выхода, билась большая актриса. Когда она засунула купленный арбуз под плащ и подошла к дому, то окончательно вжилась в образ. Она шла медленно, останавливалась, хватала рукой воздух, как бы желая найти опору. Выразительно вздыхала. Прогулка будущей роженицы на свежем воздухе шла по классической схеме в исполнении 13-летней девочки. Это был протест против несправедливости, который просыпался в ней, и последствия его были непредсказуемы.

"Вот тебе! Получай! Таких, как ты, надо учить", – думала она про себя. И в этот момент юную артистку Волчек потеснила Волчек-режиссер.

"А что если, – подумала я, – взять сейчас и уронить арбуз? Пусть на ее глазах мой "живот" разлетится вдребезги!" Но арбуз стало жалко.

Чем дальше, тем острее будет ее реакция на несправедливость, и она так и не сможет научиться мириться с ней, принимать за норму, как это привыкли делать многие.

И с таким независимым характером эта дурочка собиралась в артистки?

1962 год. Ленинград. Гостиница "Октябрьская"

Волчек открывает ключом свой номер. Заходит, ставит вещи. Включает свет. Столбенеет на месте. От испуга прикрывает ладонью рот, чтобы невольное "ах" не вырвалось.

На столе, ровно посредине, стоит флакончик духов на 250 мл. Она осторожно берет его, вытаскивает матовый колпачок из синего флакона. Втягивает запах, осторожно вставляет колпачок на место, как будто боится кого-то спугнуть.

Да, Евгений Евстигнеев ее тогда не просто удивил. Он потряс ее. Она не ожидала от него такой чуткости и памяти. Когда-то она рассказала ему, как еще до войны, еще из своей первой заграничной поездки, отец привез два чемодана. Из одного на глазах изумленной дочери он извлек целую батарею синих пузырьков – от здорового, на 3 литра, до крохотного, на 100 мл, – как матрешки, они выстроились на столе.

Галина Волчек:

– Это был "Суар де Пари", фирма только что выпустила новую серию, и образцы папа привез в Москву. Я осторожно отвинчивала тяжелые колпачки, как будто они из хрусталя, и нюхала этот сумасшедший запах. Он мне даже снился.

А потом во дворе с подружками я пыталась сделать духи из адской смеси нафталина, "Красной Москвы", украденной у матери, апельсиновых корок, карамели и еще чего-то такого несусветно-пахучего.

Синие бутылочки от "Суар де Пари" – единственное, что уехало с семьей Волчек в эвакуацию и оставалось неразменной валютой даже в самые тяжелые для семьи времена. Позднее она "изменила" "Суар де Пари" с "Герленом" – они стали ее самыми любимыми духами на всю жизнь. В начале шестидесятых она приехала на съемки на "Ленфильм", вошла в гостиничный номер, включила свет и остолбенела на месте. От испуга даже прикрыла ладонью рот, чтобы невольное "ах" не вырвалось. На столе, ровно посредине, стоял флакончик духов на 250 мл. Осторожно взяла его, вытащила матовый колпачок из пузырька. Втянула запах, вставила колпачок на место, как будто боялась кого-то спугнуть.

– Подумала: "Откуда Женя, которого вызвали на съемки в Ленинград раньше меня, достал мои любимые духи "Воль де нюи"? Это же "Герлен"!"

– Где ты взял? – я замучила его расспросами.

– Да у румын купил. Они внизу толкались. Фарцовщики, – лениво, но с явно довольным видом, что угодил с подарком, сказал Евстигнеев. – Ты посмотри, проверь.

Проверь? Да она с юности бредит этим запахом. Да, это было потрясением от Евстигнеева – шикарный подарок в их семье, которая вечно "широко" жила на последние. Спустя много лет от сына Дениса она получит точно такой флакон "Воль де нюи". Правда, между этими парфюмерными событиями много воды утечет.

1986 год. Москва. Квартира на улице Воровского

Посреди большой комнаты с красивой люстрой Волчек и Елена Яковлева.

– Ты понимаешь, что ты делаешь? – спрашивает Волчек, пытаясь прикурить.

– Да, Галина Борисовна, – как-то вяло, не владея голосом, отвечает Яковлева и почему-то следит за ее рукой, которая с силой жмет на кремень, высекает огонь и так стоит с горячим фитилем, как фанат на рок-концерте.

– Твоя индивидуальность… это уникально… для этого нужна особая почва…

– Да, Галина Борисовна, я…

Ее глаза следят за зажигалкой, которая в очередной раз безуспешно подносится к сигарете.

– Это глупость, понять которую невозможно.

После пятой попытки Волчек в сердцах бросает зажигалку. Та прямой наводкой летит на диван.

Елена Яковлева – третья актриса режиссера Волчек, открытая ею после Татьяны Лавровой и Марины Нееловой. Им всегда работалось легко – нервная природа таланта Яковлевой, прикрытая удивленно-печальными глазами, легко ловила полет мысли и желания режиссера. Она копается в памяти и не может вспомнить борьбу над какой-нибудь ролью.

Но, несмотря на всю легкость сотворчества, однажды их дуэт прошел серьезные испытания актерской изменой и режиссерской верностью. А может быть, и мудростью той и другой.

В 1986 году, когда Елена Яковлева сыграла несколько ролей в театре и кино, режиссер Валерий Фокин предложил ей перейти в Ермоловский театр, который он в то время возглавил и укреплял труппу. Яковлевой были обещаны роли мирового репертуара и работа с известным режиссером из Польши, и перспектива переезда из общежития в отдельную квартиру. Взвесив все, Яковлева предпочла перспективы в Ермоловском реальностям в "Современнике", о чем и сообщила дирекции.

Елена Яковлева:

– На следующий день в общежитии, где мы с Валерой жили, раздался звонок, и мне предложили в определенное время прибыть на квартиру к Галине Борисовне по адресу: улица Воровского, дом, квартира. Всю ночь я обдумывала свой приход-расставание, ничего путного не придумала и уже с утра тряслась как кролик.

Сердобольные соседи засунули ей в рот таблетку элениума, и она отправилась к своему, уже почти что бывшему главному режиссеру. Там Яковлева увидела, как она говорит, гениальную сцену, которую до сих пор не встречала ни в кино, ни в театре. Наверное, со стороны это выглядело как образцовая встреча удава с кроликом. И кто играл роль удава, объяснять не надо.

Женщины стояли посреди большой комнаты с красивой люстрой.

– Ты понимаешь, что ты делаешь? – спрашивала Волчек, пытаясь прикурить.

– Да, Галина Борисовна, – как-то вяло, не владея голосом, отвечала Яковлева.

Ее глаза следили за зажигалкой, которая в очередной раз безуспешно подносилась к сигарете.

– Это глупость, понять которую невозможно.

После пятой попытки Волчек в сердцах бросила зажигалку, и та прямой наводкой полетела на диван.

Елена Яковлева:

– Галина Борисовна кричала на меня минут двадцать. И в течение этих двадцати минут ее темперамент, эмоции по поводу моего ухода не позволяли ей прикурить. Я же даже ответить не могла – была под воздействием таблетки. Может быть, это меня и спасло от срыва. Мне было в тот момент очень жалко Волчек – она так и не закурила.

– Лена, а что она тебе говорила? Какие аргументы приводила?

– Это было настолько гениально, что повторить невозможно. Действовало как гипноз, как наваждение.

Яковлева уходила в полной уверенности, что после такого эмоционального выступления худрука дорога в "Современник" ей закрыта навсегда.

Елена Яковлева:

– Повернуть назад я уже не могла. Об меня наверняка вытерли бы ноги, и правильно, надо сказать, сделали бы. Но буквально на следующий день я обо всем пожалела. Хотя никогда об этом не говорила и даже себе не признавалась. Мне была неприятна дорога в другой театр, лестница – не та, буфет не так расположен. Гримерные не такие, сцена вообще отвратительная. Доски другие, пыль – и та другая. "Ну, Лен, ты меняла много работ, – говорила я себе, – и до "Современника" и после будет так. Нужно время. Привыкнешь. Все приживаются постепенно. Ну и что, что артисты с другими лицами?"

Три сезона, ни с кем не делясь, Яковлева сожалела об уходе из театра. Тем более что на новом месте у нее не сложилось: режиссер Фокин, переманивший ее в Ермоловский, оказался хорошим, но не ее режиссером. Ролей обещанных она не получила. Не вышло у нее и с польским мастером, приглашенным на постановку.

Валерий Шальных:

– Я говорил ей: ничего хорошего не будет, надо возвращаться. Так долго продолжаться не могло, Лена была вся на нервах, я боялся за нее. Надо сказать, что в театре ко мне отношение не изменилось, и у меня было ощущение, что Волчек как будто бы знала, что Лена вернется, – дело только времени.

– Лена, что стало той последней каплей, которая заставила тебя вернуться?

– Мой муж сказал, что в театре поговаривают, будто мне хотят предложить играть "Двое на качелях", хотя бы на разовых. Это был первый колокольчик. И я пришла. Пошла сразу к Галине Борисовне.

В глазах у Волчек актриса не прочла торжество триумфатора, знавшего заранее о сокрушении врага. Не упрекнула. Даже спокойно закурила.

Елена Яковлева:

– Она очень мудрая женщина и не стала опускаться до проявлений начальственного тщеславия. Я только сказала: "Галина Борисовна, я люблю вас, люблю театр, возьмите меня хоть на "кушать подано".

Банальные слова прикрывали дикое отчаяние, которое накопилось у нее за три года. Волчек сказала только:

– Очень хорошо. Я знала.

И Яковлева расплакалась. Это не были притворные актерские слезы.

1971 год. Ленинград. Гостиница "Астория". Ресторан

Отдельный кабинет дорогой интуристовской гостиницы. Он несколько узкий, оттого кажется тесноватым. За столом компания – наши с иностранцем. Все немного торжественны и церемонны. Волчек старается держаться как все, все больше объясняется руками из-за маленького запаса слов на английском. Ее напряжение выдает то, что она часто поправляет аккуратно уложенную прическу.

Официантка с таким видом, как будто ей доверили государственную тайну, принимает заказ.

– Закуска, – повторяет она на автомате с дежурной улыбкой, – шесть раз. На первое – солянка, шесть.

– Я присоединяюсь, – вставляет Волчек и как бы небрежно трогает волосы.

– Ну ты сегодня выглядишь!.. – шепчет ей сосед по столику.

Эту давнюю историю Волчек вспоминает теперь, когда ей сообщают, что в театр приедет телевидение. Тогда она, я вижу, с каким унынием смотрит на свое отражение в зеркале, пытается навести на голове порядок и всякий раз, безнадежно махнув рукой, произносит одну и ту же фразу: "Надо бы съездить в ГУМ и купить себе парик. Говорят, там большой выбор". На этом, собственно, все и кончается, и "какая есть" она отправляется к телекамерам.

Галина Волчек:

– Был у меня парик – вот это вещь: мне в семьдесят первом году привез из Парижа наш общий с Табаковым приятель Алик Москович, эмигрант чуть ли не первой волны, очень колоритный тип. Он говорил о важных вещах всегда небрежно, низким красивым голосом.

Она изображает эмигранта Московича, что с ее прокуренным голосом совсем несложно. И тут же переходит на портрет канадского режиссера, на встречу с которым она, молодой мастер, в числе нескольких театральных деятелей была приглашена на обед в "Асторию". Стояло лето, которое само, казалось, вот-вот грохнется в обморок от ленинградской адской жары и влаги.

– По портрету, по пластике это был такой человек, на которого смотришь и думаешь: "А писает-то он не из предмета, из которого писают все, а из цветка". Вот к такому человеку я надела парик от Московича и, придя в "Асторию", поняла, что шпильки, на которых он держался, стискивают мою голову все сильнее и сильнее.

Обед шел весело и непринужденно.

Официантка с таким видом, как будто ей доверили государственную тайну, принимает заказ.

– Закуска, – повторяет она на автомате с дежурной улыбкой, – шесть раз. На первое – солянка, шесть.

– Я присоединяюсь, – вставляет Волчек и как бы небрежно трогает волосы.

– Ну ты сегодня выглядишь!.. – шепчет ей сосед по столику.

Хорошо шли под закуску разговоры о русском театре. Имя Станиславского, нисколько не смущаясь, заедали языком с хреном.

– В конце концов, Константин Сергеевич свою идею пережевывал в "Славянском базаре" с Немировичем.

– Да-да, и водочкой полировал с икоркой черной.

Все довольно смеялись удачно ввернутой к месту шутке.

И вот принесли солянку. От нее валил дым и запах, заставляющий всех громко втягивать воздух. И только на лице Волчек напряжение перешло в легкую панику, и она усиливалась по мере того, как все, нахваливая повара, принялись за солянку. Пот струйками бежал по ее лицу.

Галина Волчек:

– Чувствую, что погибаю. Думаю – если пойти в туалет и вернуться без парика перед лицом такого персонажа, это будет ужасно пошло.

– Да почему, Галина Борисовна? Житейское же дело.

– С одной стороны – житейское, а с другой – ну не могу я тебе объяснить. Повторяю себе: "Сиди терпи". А потом – да хрен с ним, не могу, не хочу! И не буду терпеть!

И в самый активный момент диалога она вдруг… схватила себя за волосы, и на глазах у всех те остались у нее в руке. А она, как будто ничего не произошло, продолжала что-то горячо говорить о театре, размахивая париком.

Немая сцена. Солянка, казалось, застыла в ложках.

Мокрые, слипшиеся волосы упали ей на плечи. На стол, на пол посыпались шпильки. На лице канадца восторг смешался с ужасом, и он сказал переводчице:

– Мадам, такой непосредственности от русской женщины я не ожидал никогда.

Русская женщина Галина Волчек в это время снималась в "Короле Лире" у Григория Козинцева, и тот запретил ей стричь волосы в модное каре, что нескончаемо мучило ее в июльскую жару.

У нее сохранились фотографии того времени – волосы до плеч ей очень шли. Надо заметить, что с тех пор она так больше и не приобрела парика. И только однажды встретила свидетеля своего "позора". В Болгарии на каком-то театральном симпозиуме она вдруг услышала, как кто-то ее позвал:

– Галина!

Повернулась на голос и увидела своего утонченного канадского знакомца, подобного цветку. Тот улыбался и дергал на своей голове сильно поредевшие волосы.

1993 год. Москва. Поварская улица

Вечер. Евстигнеев в квартире Волчек, в которой не жил. Он какой-то особенно легкий, каким всегда бывает после удачного спектакля. Он только что отыграл "Игроков" во МХАТе и рассказывает, что через два дня летит в Лондон.

– Операция будет четвертого. Встретил на днях Мику Таривердиева – у него такая же была. Говорит, ничего страшного.

– Ты Ирочке позвони, чтобы не волновалась, – говорит ему Волчек.

– Она знает, что я к вам пошел. Так вот, Таривердиев через несколько дней после операции уже гулял и пил пиво. Представляешь?

Это была их последняя встреча – вполне обычная, она не носила примет мистических знаков и указаний. Семья, хоть и бывшая, мирно беседовала, пила чай, не подозревая ни о чем плохом. Незадолго до отлета в Лондон я встретила Евгения Евстигнеева в одном из московских театров на премьере. Все тогда отмечали его здоровый, несмотря на болезнь, вид. Он смеялся, кокетничал с женщинами...

Уезжая в Лондон, он зашел на Поварскую. Шутил и рассказывал, что у Таривердиева была такая же операция.

А она дергалась: что-то он себя слишком уговаривает. Боится, может? Позвонила своей приятельнице:

– Тут Евгений Александрович летит в Лондон. У него четвертого операция. Скажи, там по его астрологическим циклам все нормально?

Потом Волчек положила трубку и задумчиво произнесла:

– Странно. А она говорит, что никакой операции не будет… Но вот видишь, Женюра, значит, отложат, раз она ничего не видит. Ты ведь знаешь, она редко ошибается. Перестань смеяться. Я только цыганок боюсь, гадать не хожу, а ей верю.

Однако астролог не ошиблась. 4 марта 1993 года операция на сердце Евстигнеева не состоялась, потому что 2 марта он умер в госпитале в центре Лондона. Отправляя туда бывшего мужа, Галина Волчек передала третьей жене Евстигнеева – Ирине Цивиной – телефон своей подруги Ванессы Редгрейв.

– На всякий случай, мало ли что понадобится в Лондоне, – сказала она.

Когда понадобилось, Редгрейв, по прозвищу Большая Ви, тут же приехала в госпиталь и поддержала молодую, совсем незнакомую ей вдову: имени Галины Волчек для этого вполне хватило.

Галина Волчек:

– Можно как угодно относиться к предсказаниям, но факт остается фактом: астролог не ошиблась. Странности после смерти Жени продолжались. Когда стало известно, что Женя умер, к нам в дом стали приходить разные люди. Пили чай, за столом было тесно. Я сидела в глубине. Чтобы никого не беспокоить, я не стала выходить за чашками, а наливала кипяток в хрустальный стакан для виски. Я передавала один стакан, и дно его отвалилось, весь кипяток вылился на меня выше колен. Боль была адская. Пока я выскочила, добежала до ванной, содрала платье, колготки... К чему я это говорю? Жуткий знаковый момент: ведь я стакан передавала женщине, которая меня в свое время предала.

Что это – адская боль от предательства? Она задумывается, и мы пытаемся найти ответ в необъяснимом, которое на самом деле не более чем стечение обстоятельств или действия физических законов тела при нагревании. Может быть, и законы, но Волчек не такая материалистка, чтобы понятия, которые не поддаются измерению, объяснялись простой нехваткой гирек.

Галина Волчек:

– Однажды, когда умерла Таня, моя любимая няня, воспитавшая меня и Дениса, произошло следующее. Окна на зиму в квартире были полностью законопачены, крепко заклеены, заперты на все щеколды. После помина на кухне оставалась кутья в хрустальной ладье: у меня рука не поднялась ее выбросить. Я уехала в Венгрию на постановку. Вскоре позвонил Денис и сказал, что окно распахнуто настежь, а это просто не-возможно, и кутья, и разбитая ладья валяются на полу. Это был девятый день после смерти няни.